

А.П. Костяев

Тверской государственной университет, г. Тверь

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: эмотивность, инвективная вербальная агрессия, аффективная категория, эмоциональное состояние, дискурсивная практика, профессиональное общение.

В статье рассматриваются способы репрезентации актов вербальной агрессии, коррелирующих с аффективной категорией «эмотивный инвектив», как причины порождения дискомфортных ситуаций профессионального общения.

A. P. Kostyev

Tver State University, Tver

DISCURSIVE MARKERS OF VERBAL AGGRESSION IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

Key words: emotional breadth, invective verbal aggression, affective category, emotive level, discursive practice, professional intercourse.

The paper discusses ways of representing acts of verbal aggression, which are correlated with affective category "emotive invective" as reasons for generation of uncomfortable situations in professional communication.

Среди языковых средств, маркирующих появление ситуации вербальной агрессии, порождающей появление кризисных и дискомфортных (деструктивных) ситуаций, нередко приводящих к конфликтной интеракции (Белоус, 2007; Жельвис, 2007; Романов, 2010; Романов, Костяев, Романова, 2010; Седов, 2007), широко представлены языковые показатели агрессивных актов вербальной дискурсии, порождающих коммуникативный «архив» (систему) деструктивных проявлений - от речевых актов прямых и косвенных угроз до импульсивных инвективных действий (инвектив) в виде оскорбления, презрения, резких выступлений и выпадов против кого-либо, негативных оценок до злых шуток, сплетен, обзываний, враждебных фантазий, угроз, бранных выражений и даже деструктивных форм поведения, например, подстрекательства, подначивания, передразнивания, подтрунивания, обуславливающих в условиях эмоционального воздействия возникновение ситуаций неструктурированной (дискомфортной, стрессовой) диалогической интеракции между ее участниками в рамках определенного территориального пространства в процессе реализации одним из участников конкретных задач в сфере профессиональной деятельности.

Представленная совокупность эмоциональных актов вербальной агрессии в виде множества (класса) простых и сложных агрессивных речевых дей-

ствий или аффективных вербальных практик обозначается общим термином *агрессивный вербальный дискурс* (также: *дискурс вербальной агрессии*), маркируемый в ситуации профессионального общения агрессивными (эмотивными, аффективными) дискурсивными практиками. Такие маркеры в функциональном плане можно именовать конфликтогенными маркерами (о конфликтогенных маркерах см.: Рейковский, 1999; Римап, 1999)

Под *эмотивной дискурсивной практикой агрессивной направленности* в профессиональной коммуникации понимается специфическая форма использования языка для производства речи, посредством которой осуществляется изменение концепта (модели) окружающей (в том числе и коммуникативной) действительности, приводящее к дискомфортной трансформации системы личностных смыслов участников общения. Сущность такой трансформации в профессиональной сфере общения состоит в изменении представлений находящегося под воздействием инвективных эмотивных выражений (ненормативных эмотивов, инвективных формул как агрессивных дискурсивных практик) говорящего субъекта (адресата, участника) о мире и себе самом, благодаря чему он не может, получив экспрессивный «заряд» агрессивного вербального воздействия, приобретать новые конструктивные знания, применить приобретенные навыки и умения, вырабатывать продуктивные мнения, установки и формировать наиболее эффективные и удовлетворяющие его отношения к людям, вещам и событиям ответные действия. В этом плане любую *дискурсивную практику агрессивной направленности* можно рассматривать как устойчивую традицию особых способов оперирования языком в целях осуществления семиотических трансформаций коммуникативной и психической реальности, выступающей в качестве денотата (референта) дискурса (-ов) субъектов межличностного взаимодействия в пространстве профессионального общения.

Как отмечалось выше, система конфликтогенных маркеров представлена различными показателями, среди которых маркеры лексико - семантического порядка играют в количественном плане ведущую роль. Важно отметить, что конфликтогенные маркеры лексико-семантического порядка имеют свою специфическую обусловленность и характеризуются следующими коммуникативно - интерактивными особенностями. Во-первых, одной из причин возникновения (и проявления) конфликтогенных маркеров является особенность природы языкового знака, следствием чего становятся такие факты, как лексическая и грамматическая многозначность, омонимия, динамичность, вариативность, отсутствие естественной связи между "означаемым" и "означающим", а также между знаком и денотатом (ср.: Белоус, 2007). Во-вторых, такой причиной может являться негативная оценочная лексика (ср.: Жельвис, 2007; Седов, 2007) и, в-третьих, в качестве одной из причин могут выступать специальные акты номинации собеседника по какому-либо из признаков без упоминания самого имени лица номинации. Сюда же, как отмечает В.И. Жельвис, следует отнести и существование в социуме ненормативной лексики (обсценная, инвективная лексика) и наличие (ис-

пользование) слов-агнонимов, т.е. неизвестных, непонятных или малопонятных многим носителям языка слов.

Кстати сказать, по данным фразеологического словаря А.И. Федорова (2001), корпус идиоматических и фразеологических выражений русского языка, касающихся негативной оценки человека, насчитывает 461 пример и охватывает: 1) негативную оценку речевой деятельности (22,1 %); 2) высмеивание пороков и физических недостатков человека (19 %); 3) высмеивание глупости, умственной несостоятельности (*прирожденный дурак, дурак-псих, дурак в учении, дурак в разговоре, дурак-неумеха, дурак-лентяй, необразованный дурак, медлительный дурак, дурак-маразматик от старости, дурак-неудачник, второсортный дурак, нерешительный дурак, наивный дурак, дурак от любви или счастья*) (13,9 %); 4) религиозную тематику (10,4 %); 5) отрицательную характеристику деятельности человека как члена социума (6,5 %); 6) введение в заблуждение, представляя кого-то в лучшем свете (6 %); 7) высмеивание женских пороков (5,2 %); 8) жизнь как воплощение театра (5 %); 9) подчеркивание низкого социального статуса (4,8 %); 10) прерывание неоконченного дела (3,7 %); 11) исполнение роли моралиста (2,4 %); 12) сказочные и фольклорные персонажи (1 %).

К особенностям грамматического проявления (маркирования) актов вербальной агрессии (вербальной дискурсивной интеракции) относятся следующие показатели:

1) местоимения 2-го лица "ты" и "вы" и глагольные формы 2-го лица единственного и множественного числа, выбор которых имеет под собой тактические основания; личные местоимения "он", "она" по отношению к лицу как участнику интеракции или же просто как присутствующему при разговоре; характерно, что на использование этих форм в речевом взаимодействии накладываются определенные ограничения самой ситуацией высказывания (актом высказывания);

2) императивные конструкции совершенного вида, частицы, вводные слова, специальные синтаксические структуры в несвойственных им денотативных значениях (фразеосхемы);

3) суффиксы субъективной (негативной) оценки, сопровождающие сообщение особыми оттенками ироничности, пренебрежения, уничижения, грубости, например: *работник – работничек; дитя – деточка, детина, например, пара сытых детинушек; дубина-дубинушка; дурак – дурачок; слабак – слабачок* (ср.: Ходырев, 2002).

Отмеченные маркеры как семантически значимые языковые единицы формируют содержание и структуру дискурса вербальной агрессии и одновременно могут являться (служить) вербальными (дискурсивными) маркерами конфликтной или неструктурированной (дискомфортной) ситуации.

Помимо названных лексико-семантических и грамматических маркеров вербальной агрессии можно также выделить прагматические показатели, которые обусловлены различного рода нарушениями правил ведения коммуникации. В этой связи уместно заметить, что инвективный дискурс (Жельвис, 1997; 2001; 2007) и конфликтный дискурс (Белоус, 2007) не рассматриваются

в работе в качестве синонимов, хотя в ряде случаев инвективный дискурс может рассматриваться в качестве конфликтного в определенных деструктивных.

В современной лингвистике понятие «инвектива» определяется как «резкое выступление против кого-либо, чего-либо, оскорбительная речь». Поэтому важно определиться с понятием того, какая речь может считаться оскорбительной. Для этой цели необходимо обратиться к семантическому содержанию глаголов «оскорбить», «унизить», «обидеть», а также существительного «обида» с учетом их словарных дефиниций, ибо уже в первом приближении толкование значения глагола «обидеть», например, дается через отсылку к слову «обида» («обидеть» – причинить, нанести обиду кому-либо). На этом основании уже можно судить в первом приближении о толковании понятия «оскорбительная речь». Ср, например:

инвектива – резкое выступление против кого-либо, чего-либо;

оскорбить – крайне обидеть, унизить кого-либо; уязвить, задеть в ком-либо какие-либо чувства;

обидеть – причинить, нанести обиду кому-либо;

унизить – задеть, оскорбить чье-либо самолюбие, достоинство, поставить в унижительное положение; умалить, принизить чьи-либо заслуги, достоинства, роль, значение.

В этой связи нельзя не обратить внимание на следующее толкование понятия «оскорбительная / инвективная речь», которую можно рассматривать как речь, содержащую отрицательную оценку объекта, на который она направлена, и которая воспринимается этим объектом как несправедливая, незаслуженная, т.е. субъективно является (оценивается) как не соответствующая действительности / реальности. Ее функциональное предназначение заключается в стремлении понизить социальный статус объекта речевого воздействия и / или уровня его самооценки.

Однако языковой материал показывает, что целесообразно различать группу чисто инвективной и группу неинвективной лексики. К первой группе можно отнести такую лексику, которая предполагает (включает в свой иллюкутивный потенциал) намерение оскорбить или унижить адресата или третье лицо. Ко второй группе следует отнести лексику, которая является экспрессивной (т.е. она может содержать в себе негативную оценку и / или эмоционально - экспрессивный компонент), но не несет в себе прагматической направленности на оскорбление. Группа инвективной лексики включает в себя как литературную (т.е. относящуюся к русскому литературному языку) лексику, так и нелитературную, например, жаргонную лексику.

Ко второй группе относится и обценная лексика (мат). В рамках "литературной" инвективной лексики тоже есть различные группы. Во-первых, к ней относится книжная лексика с (включанным) инвективным значением ("мошенник", "проститутка"). Правда, при использовании такой лексики может возникнуть ситуация клеветы (так как, назвав человека таким словом, мы обвиняем его в нарушении законодательства или норм общественной морали, что, вполне возможно, может не соответствовать действительности /

реальному положению дел). Во-вторых, к ним также можно отнести определенные эвфемизмы для подобных слов, которые, казалось бы, "щадят" адресата, но на самом деле несут такую же инвективную нагрузку (например: "дама легкого поведения"). В-третьих, сюда же можно отнести и варианты переносного, метафорического употребления таких слов (например, бессмертное выражение "политическая проститутка"). В этом случае оно чаще связано с ситуацией оскорбления. Наконец, в-четвертых, есть группа вполне литературных слов инвективной семантики, однозначно связанных с оскорблением, - вроде "*стерва*", "*мерзавец*", "*подонок*".

Употребление не только литературной, но и нелитературной инвективной лексики и фразеологии далеко не всегда связано с оскорблением, клеветой, вообще унижением чести и достоинства. Это зависит от конкретной функции такой лексики, в особенности от наличия или отсутствия умысла на унижение чести и достоинства. Но в большей степени это зависит от конкретной ситуации общения, включая в эту ситуацию и характер отношений между участниками речевого акта. Например, можно ласково назвать человека сукиным сыном (и даже себя самого - например, "Ай да Пушкин, ай да сукин сын!"). Это зависит также от уровня речевой культуры говорящего или пишущего - бывает, что он просто не способен оценить степень несоответствия своей речи требованиям общественной морали.

Особый случай - это инвективное употребление слов или словосочетаний, которые не содержат в своей семантике инвективного компонента и имеют экспрессивную окраску ("*мальчики в розовых штанах*"). Как ни удивительно, в устах определенной социальной группы людей даже слова "профессор", "академик" могут приобретать инвективный характер. Однако доказать такой инвективный характер почти невозможно, хотя интуитивно каждый из нас (в определенном контексте) его ощущает.

Таким образом, инвектива как функциональный класс языковых образований представляет собой культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему дискурса, который может принимать формы устойчивого языкового оборота, воспринимаемого для себя адресатом в качестве оскорбительного в той иной культурной традиции.

Говоря о функциональной направленности инвективных дискурсивных практик, следует подчеркнуть, что до сих пор не выявлено подробного описания функций инвектив, соответствующих функциям языка или даже иллокутивным функциям в теории речевых актов.

Инвектива в широком смысле является реализацией языка и поэтому для того, чтобы выделить функции инвективы нужно рассмотреть реализующиеся с её помощью и при её участии функции языка. Основной проблемой является то, что представители разных школ по-разному рассматривают вопрос о функциях языка. Так, К. Бюлер, анализируя знаки языка в их отношении к говорящему, слушающему и предмету высказывания, выделяет три функции языкового высказывания: а) информативную, б) экспрессивную и в) эвокативную. В информативной функции язык используется для формулировки истинных или ложных утверждений; в экспрессивной -

для выражения состояний сознания говорящего; в эвокативной - для оказания влияния на слушающего, для возбуждения у него определенных мыслей, оценок, стремлений к каким-то действиям.

Каждое языковое высказывание выполняет одновременно все три указанные функции; различие между употреблением языка определяется тем, какая из этих функций является доминирующей. Так, утверждение о факте, являющееся типичным случаем информативного употребления языка, непосредственно описывает положение дел в действительности, косвенно выражает переживание говорящим его опыта и вызывает определенные мысли и чувства у слушающего. Основная функция команды (характерный образец эвокативного употребления языка) заключается в том, чтобы вызвать определенное действие слушающего, но при этом команда представляет также сведения о предписываемой деятельности и выражает желание или волю говорящего, чтобы деятельность была выполнена. Восклицание выражает эмоции говорящего, косвенно оказывает влияние на слушающего и дает ему информацию о состоянии сознания говорящего.

Инвектива несёт в себе информативную функцию, так как используется для формулировки истинных или ложных утверждений, она так же характеризуется экспрессивностью, то есть выражает состояний сознания говорящего, несёт эвокативную функцию, оказывая влияние на слушающего для возбуждения у него определенных мыслей, оценок, стремлений к каким-то действиям.

Очевидно, что одной из функций инвективы является *коммуникативная*. Это свидетельствует о том, что для существования инвективы необходимо наличие адресата, адресанта и определённой ситуации между ними, то есть, необходим процесс коммуникации, отражающий их целенаправленную связь.

Например:

1: - *Ну ты и скотина, Шурик, я такого от тебя не ожидал, а ещё друг называется...*

2: - *Да ладно ты...*

1: - *Что ладно то, что?! Предатель...*

В данном дискурсном образовании присутствуют адресат, адресант и ситуация, в которой Шурик подвёл своего друга. Это подтверждает использование инвективы (инвективного дискурса) как коммуникативной единицы.

Инвектива так же обладает и *номинативной* функцией, то есть она называет объективное и субъективное действие. Оскорбляющий (т.е. инвектор как лицо, использующее инвективное выражение (инвективу) в отношении своего собеседника инвектума (оскорбляемого) и тем самым даёт характеристику, которая, кстати сказать, может быть как субъективной, так и объективной, его действиям либо ему самому. В этом заключается основное функциональное предназначение номинативной функции. Например:

1: - *Ты что орёшь как собака, того и гляди загрызёшь!*

2: - *А ты делай всё по-человечески, я и орать не буду!*

1: - *Если бы мне никто не мешал, я бы уже давно всё сделал.*

В приведенном примере инвектор даёт характеристику инвектуму «*орёшь как собака*», тем самым предоставляя через оценку свою субъективную номинацию, что и доказывает присутствие в инвективе номинативной функции.

Другая функция инвектив – *эмотивно-экспрессивная*, которая выражается в том, что с помощью инвективных образований может происходить выражение чувств и переживаний человека в процессе его речи. Например:

1: - *Ну ты и чайник, ты что, не понимаешь, что здесь написано?*

2: - *А ты объясни нормально!*

1: - *А тебе объясняй, не объясняй, всё без толку, как об стенку горох!*

Здесь эмотивно-экспрессивная функция инвективы проявляется с помощью отрицательной номинации инвектируемого – «*чайник*» (в переносном смысле – не сведущий в обсуждаемом вопросе человек). Наличие в данном отрезке инвективного дискурса двух восклицательных предложений так же свидетельствует о том, что в процессе речи происходит обмен эмоциями.

Директивная функция – это функция побудительная, реализующая, выражает волю и желание. Например:

- *Рот закрой, корова!*

Здесь говорящий требует у слушающего определённого действия – замолчать, успокоится. Тем самым подтверждается наличие директивной функции.

Инвектива так же обладает фатической функцией, то есть функцией установления и поддержания контакта с собеседником, например:

- *Машка, ты дура!*

Ситуация: Ученик младших классов дергает за косичку свою одноклассницу для того чтобы привлечь её внимание, пытаясь установить контакт.

Кроме того, инвектива может выполнять суггестивную функцию, когда она выступает как средство влияния на поведение в широком смысле этого слова (в том числе и на психическое состояние) другого человека, например при внушении (см.: Белоус, 2007).

Инструментальная функция инвективы состоит в том, что при помощи инвективы может происходить воздействие на человека путём использования прямых по смыслу слов. Данная функция противопоставлена символической функции инвектив, которая выражается в воздействии на человека с помощью косвенных смыслов слов и фраз. Инвектива также обладает поэтической функцией, так как некоторые авторы используют в своих поэтических произведениях инвективу, что обусловлено не только экспрессивностью инвективных лексических единиц, но и тем, что они помогают организовать ритм, рифму, позволяют создать новые средства выражения мыслей автора.

Таким образом, выделенные функциональные маркеры актов агрессивной дискурсии, в том числе и инвективных выражений (инвективного дискурса) коррелируют с основными функциям языка и маркируются определенным инвентарем вербальных языковых практик, о чем и свидетельствуют приведенные для анализа примеры.

Литература

1. Белоус Н.А. Структурно-семантические аспекты конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве. – М.: ИЯ РАН, УлГУ, 2007. – 247 с.
2. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций.- М.: Прогресс, 1979. - 392 с.
3. Риман Ф. Основные формы страха. Исследования в области глубинной психологии. Пер. с нем. – М.: Алетея, 1999. – 336 с.
4. Жельвис В. И. Инвектива в парадигме средств фатического общения // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 137—144.
5. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Изд.2-е.- М.: Ладомир, 2001.- 349 с.
6. Жельвис В.И. Инвективная агрессия в ряду эмотивных средств // Социальная психолингвистика. Хрестоматия. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 278 – 322.
7. Романов А.А. Лингвоэкологический подход к профилактике вербальной агрессии в профессиональной среде // Психология управления в современной России: Теория, эмпирические исследования, практика. Материалы Международной научно-практической конференции. – Тверь: Ин-т психологии РАН, ТвГУ, 2010. – С. 78 – 85.
8. Романов А.А., Костяев А.П., Романова Л.А. Дискурс вербальной агрессии как объект лингвистики и лингвопсихологии // Языковой дискурс в социальной практике. Сборник научных трудов 10-й Международной научно-практической конференции. – Тверь: ТвГУ, 2010. – С. 219 – 226.
9. Седов К.Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета // Социальная психолингвистика. Хрестоматия. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 250 – 277.
10. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: АСТ, 2001. – 720 с.
11. Ходырев Д.А. Психологические особенности действия оператора в условиях инвективного воздействия. Автореф. дисс. ... канд. психол. н. – Тверь: ТвГУ, 2003. – 23 с.

References

1. Belous N.A. Structural and semantic aspects of the conflict discourse in the communicative space [Strukturno-semanticheskiye aspekty konfliktного diskursa v kommunikativnom prostranstve]. – М.: IYa RAN, UIGU, 2007. – 247 s.
2. Reykovskiy Ya. Experimental psychology of emotions [Eksperimentalnaya psikhologiya emotsiy]. - М.: Progress, 1979. - 392 s.
3. Riman F. Basic forms of fear. Research in the field of depth psychology [Osnovnyye formy strakha. Issledovaniya v oblasti glubinnoy psikhologii].- Per. s nem. – М.: Aleteya, 1999. – 336 s.

4. Zhelvis V. I. Invective in paradigm of phatic communication means [Invektiva v paradigme sredstv faticheskogo obshcheniya] // Zhanry rechi. – Saratov: Izd-vo GosUNTs «Kollezh», 1997. – S. 137—144.
5. Zhelvis V.I. The battlefield. Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world [Pole brani. Skvernosloviye kak sotsialnaya problema v yazykakh i kulturakh mira]. - Izd.2-e.- M.: Ladomir, 2001.- 349 s.
6. Zhelvis V.I. Invective aggression in a series of emotive means [Invektivnaya agresziya v ryadu emotivnykh sredstv] // Sotsialnaya psikhologiya. Khrestomatiya. – M.: Labirint, 2007. – S. 278 – 322.
7. Romanov A.A. Linguaecological approach to the prevention of verbal aggression in a professional environment [Lingvoekologicheskiy podkhod k profilaktike verbalnoy agreszii v professionalnoy srede] // Psikhologiya upravleniya v sovremennoy Rossii: Teoriya, empiricheskiye issledovaniya, praktika. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Tver: In-t psikhologii RAN, TvGU, 2010. – S. 78 – 85.
8. Romanov A.A., Kostyayev A.P., Romanova L.A. Discourse of verbal aggression as an object of linguistics and linguapsychology [Diskurs verbalnoy agreszii kak obyekt lingvistiki i lingvopsikhologii] // Yazykovoy diskurs v sotsialnoy praktike. Sbornik nauchnykh trudov 10-y Mezhdunarodnoy nauchno - prakticheskoy konferentsii. – Tver: TvGU, 2010. – S. 219 – 226.
9. Sedov K.F. Verbal aggression and aggressiveness as a trait of speech portrait [Rehevaya agresziya i agresivnost kak cherta rehevogo portreta] // Sotsialnaya psikhologiya. Khrestomatiya. – M.: Labirint, 2007. – S. 250 – 277.
10. Fedorov A.I. Phrasebook of Russian literary language [Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka]. – M.: AST, 2001. – 720 s.
11. Khodyrev D.A. Psychological features of operator actions under the impact of invective effect [Psikhologicheskiye osobennosti deystviya operatora v usloviyakh invektivnogo vozdeystviya]. - Avtoref. diss. ... kand. psikhol. n. – Tver: TvGU, 2003. – 23 s.